

На Голгофу поднимается греческий монах: он только что освятил Кувуклию и плиту Миропозащения. Голубь взлетает к куполу храма. Тёплым стал поручень перил от рук паломников, которые преодолевают каменные ступени. Скоро Рождество. Запах кадильного дыма. Свет от свеч, словно живое вопло-

щение. В седой от времени скале — морщиной земной зияет трещина, там кровь, искупившая грехи, просочилась живой водой до черепа Адама. Греческий монах подошёл к месту, где прибывали Христа ко Кресту. Народ, как одно тело, сторонится вправо. Вот освящается место деления риз. Раскачивается кадило,

как маятник вечных часов. Потом монах медленно, греки не любят суетиться, спускается по лестнице справа и подходит к камню Миропомазания.

Вторым быстро подошёл к лестнице и устремился на Голгофу монах-армянин в багровом убранстве. Освящает Престол, место прибавления ко Кресту, место деления риз.

Третьим стремительно, как голубь, взлетает копт в чёрной шапочке, на которой изображены двенадцать белых крестиков. Быстро машет кадиллом и устремляется вниз.

Время то замедляется, когда грек неторопливо машет кадиллом, и словно течёт вспять; то стремительно набирает скорость и несётся.

Паломники вернулись на свои места в очереди, они говорят в полголоса и молятся молча, производя какой-то странный, храмовый, словно тысячелетний гул наречий.

— Некоторые историки религий считают, что Честная Риза Господа — это нешвейный Хитон, — продолжает рассказывать Марк-экскурсовод.

Альпиде нравится слушать гимнов и изучать языки, разговаривать с народом на их наречии. Она уже пробует проводить экскурсии сама. Ей не трудно, она учительница с десятилетним стажем.

Высокий монах поправляет фитили в лампадках. И хотя он рослый, но и ему нужно вставать на лестницу. Потом он начал давать свечи, и паломники подступили к нему. Альпиде надо было поговорить с ним, но куда в такой толпе. Альпиде он напоминает картину из Третьяковской галереи...

— Прочитаем в Священном Писании: «Воины же, когда распяли Иисуса, взяли одежды Его и разделили на четыре части, каждому воину по части, и хитон...» Хитон и ризы из Иерусалима вывозились. Персидский шах передал ризу русскому царю Михаилу Фёдоровичу, которую после завоевания Грузии обрёл у митрополита в кресте. — Марк-гид живёт в Иерусалиме почти двадцать лет и каждый год собирается съездить в родное Подмосковье.

Надежда Середина училась в Литературном институте им. А. М. Горького у А. Битова, Р. Киреева, А. Приставкина, М. Лобанова, Н. Корниенко, В. Гусева. Работала в театре помощником режиссёра по литчасти, редактором, преподавала литературу. Произведения переведены на английский и немецкий. Автор 25 книг. Член русского ПЕН-центра (с 2007). Автор более 300 публикаций, романов: «Подростки» (лауреат международного литературного конкурса им. А. Платонова. Российско-Баварский центр. 2012); «Чёрная птица на белой сирени» (Победитель Воронежского областного конкурса Союза журналистов России в номинации «Живёт село — живёт Россия». 2000); «Тайна личной жизни» (о культурном пространстве России, Испании и Франции). Отмечена премией журнала «Мир женщины» за рассказ (М., 2001). Призёр 6-го Международного конкурса им. М. Волошина. (Приз читательских симпатий. 2008), конкурс «Пастернаковское лето» (отрывок из повести «Тремлейки ключ». М., 2014). Награждена Московской городской организацией Союза писателей России дипломом литературного конкурса «Лучшая книга 2014–2016» за книгу «Дорога в Иерусалим». Детская премия «Аист» за книгу «Жил-был барсук» (Русский литературный центр, 2016).

Монах сидел в деревянном кресле, положив ладонь на чёрную взлохмаченную бороду, словно так легче общаться с мирянами. И Альпида, пересилив робость, подошла.

Он приложил к глазу мирянки ладанку, словно чеховское пенсне, а потом дал понюхать. Ладанка старинная, необыкновенной работы, но почти пустая — ладана в ней оказалось совсем мало, как успела заметить женщина.

Она брала книгу в греческой епархии и теперь попросила монаха передать эту книгу архимандриту, который учился в Питере и любил помогать русским на Святой Земле.

Рядом оказался Марк-экскурсовод и, как знаток-коллекционер, разглядывал ладанку.

Перед живоносным Крестом — два огромных подсвечника. Учительница зажигает свечи и ставит в песок. Святой огонь не гасится и будет гореть в Храме Гроба Господня до схождения нового огня.

...На следующее воскресенье в греческом приделе монахи и священники мирно сидели вдоль стены. Учительнице это всё напоминало музейный зал в Третьяковской галерее, и она иногда не верила в ту реальность, которая происходила вокруг неё.

Вот она узнала монаха братства Гроба Господня с Голгофы и спросила, передал ли он книгу монаху-питерцу.

Монах встал, приложил руку к бороде и спокойно уверил: «Да». Борода у него была большая, с хорошую

совковую лопату, и чёрно-угольная.

И вдруг она спросила с трепещущей надеждой:

— Вы хотите говорить по-русски? — может, и здесь она найдёт учеников.

Монах поднял глаза: перед ним большие сине-серые глаза, правильный овал, русые волосы под белым платочком. Русская Россия?

— Да! — Высокий монах с Голгофы просиял, словно луч радостного света пробежал по его лицу, и борода засверкала антрацитом.

Она дала ему свой номер телефона.

Вскоре начались занятия: ему хотелось говорить по-русски хорошо. А ей хотелось, чтобы он заговорил по-русски, пока не закончилась её виза. Но оказалось, что греки утратили некоторые русские звуки. И чтобы учительница ни делала, русские существительные не хотели склоняться по-гречески, а греческие глаголы спрягаться по-русски.

Монах не удивлялся её нетерпению: в миру люди спешат прожить свою жизнь поскорее, словно чужую.

Альпиде казалось, будто через педагогическую строгость он быстрее освоит смешанные спряжения.

И он, потупив взор, прикладывал большую руку к бороде, и, надавливал, успокаивая в себе что-то взлохмаченное.

В номере хостела было очень тесно, но очень светло, так как две стены были почти полностью из стекла. Уроки чистописания. Её детская рука и его широкая выводили по очереди русские буквы. Тетрадь лежала у него

на коленях. Она очень хотела, старалась, чтобы он говорил на её языке правильно, и писала, превращая тетрадь в учебник. И спокойнее вглядывалась, как он укладывал свою бороду, не торопясь: эти чувствующие волосы перестали пугать её.

...Каждый раз, проходя по старому городу, Альпида, слушая легенды Марка-экскурсовода, записывала важное — пригодится, когда станет опять преподавать. Ей казалось здесь всё огромной киносъёмочной площадкой.

Однажды монах на Голгофе захотел дотронуться до её руки, но она по-женски, инстинктивно, убрала руку.

Он смутился. И дал ей недогоревшую свечу с подсвечника у Креста Господня. Свеча была ещё тёплой и пахла мёдом, лесом, воском и ещё чем-то чистым, может, небесным дождём, который прошёл и смыл всю грязь с Земли.

...Он звонил по телефону вечером, стоя у её двери.

— Я монах из храма. Я иду. Я буду.

И стучал в дверь.

— Я пришёл.

Она смеялась.

— Да?

— Да. Я пришёл. Я иду здесь.

Высокий, сажень в плечах, он занимал собой почти полкомнаты. Он прикладывал руку к губам, к бороде, к груди, словно прокладывая дорогу словам. Она смотрела на него, и он, казалось ей, вот сошёл к ней с Афона, как Пётр Святогорец. И время

её внутренней жизни расширилось до глубин VIII века. Сегодня принёс апельсины. Это были самые сладкие плоды, быть может, из райского сада мироздания, до которого отсюда пятнадцать минут пешком.

— Я хочу ехать Россия.

— Когда? — она взяла золотистый апельсин, потом провела пальцами по своей золотой цепочке, поправив серебряный крестик.

— Потом... — он следил за её детскими пальцами, потом глянул на лицо, и оно опять его поразило своими большими глазами на правильном овале — русской России. — Летом.

Она занималась с ним каждый день, и на обед всегда было что-нибудь вкусное в её скромном номере хостела. А вот буквы «пережёвывались» трудно.

Капризнее всего была буква «Ы».

— «Ы...» — Повторил он, а получилась «И».

— Мы будем говорить по-русски.

— Ми, — получалось у него вместо «мы».

Это смешило её: «Бить» вместо «быть».

— Я бил здесь вчера.

— Кого?

Он купил коричневую тетрадь цвета глиняных табличек. И просил писать крупными печатными буквами.

— Не так, не так! — махал он руками, как ребёнок-дошкольник, если буквы появлялись прописные.

Она писала заглавными печатными буквами примеры.

Он требовал, чтобы печатные буквы были как напечатанные, акку-

ратные, красивые и похожие каждая на себя — как в типографии. У неё был размашистый, броский почерк и приходилось стараться, точно на чистописании.

— «Ы» — звук-медведь, грубый.

— «Ы-Ы-Ы...» — он взглянул в её лицо и опять увидел Россию, какой он себе её представлял. Русские светлее европейцев, у неё даже брови русые.

Он принёс кагор, свадебный, фанаторийский, терпкий, с ароматом чайного листа.

— Пасха, — сказал он и перекрестился, словно Пасха уже наступила.

— Ты будешь чай или кофе? — белый шёлковый платочек упал с русской, золотящейся головки на плечи.

Он подумал, что ей лет 35, и что-то случилось там, в России, и она приехала просить помощи.

— Я пью сок, — как-то по-особенному, не строго, но отрешённо, ответил.

...На восточных улочках вечный базар: сладости, фрукты, украшения — ковёр из цветов дивных красок.

Вот пробежали в больших чёрных шляпах два ортодоксальных иудея через арабский квартал.

Небо над старым городом удивительное: как у Сарьяна. Два красных пятна крыш раздвигают пространство до Елеона.

А ночью небо в густом аквамарине такое низкое, что звёзды дарят каждому свою путеводную нить, проникая и в окна-стены хостела, и в арабские глубокие окна в древних каменных стенах. И кошка, вытяну-

тая до змеи в своём прыжке, как из другой реальности — до новой эры.

Ночью в арабском хостеле и на верхнем этаже холодно. В полстены окно на восток и во всю стену — другое.

И ветер ищет кого-то, сквозит во все щели. Но вдруг открылась дверь, и кто-то неслышно вошёл. Остановился. И стал рассматривать её лицо. Сердце стучало всё громче.

— Кто? — со страхом встала, готовая к самозащите.

Стена-окно. Одеяло на полу, совсем близко от раскалённых спиралей старого советского электрического обогревателя. Трюмо не было, но ночью в окна можно смотреться, как в зеркало. Холод, как на Синае. Впервые выжимала там она свой пот. Если бы Моисей явился, то и он бы похвалил её за волю. Но что это? Высокий монах с Голгофы был похож на Моисея? Ветер на всём горном свете. И звёзды на вершинах. И нешлифованный гранит. Ночь, камни, дыхание верблюдов. Магнит в той горе? И Сфинкс безмолвно взирает, как производишь к самому себе, всё выше.

...Утром восходит солнце над Иерусалимом по-особенному. И опять весна — всю зиму весна. За молитвой муэдзина — начало рассвета.

В комнатке был белый пластиковый стул, как в летнем открытом кафе. Грек садился на стул, она сидела на кровати.

Он удивлялся, когда приходил к русской учительнице:

— Учительница. Стол нет? — и он доставал из широкого кармана маленькую круглую баночку мёда.

Она смотрела на него с удивлением: поношенная, просторная и длинная до пят ряса с широкими рукавами.

Он читал в её глазах, что её такая скромная жизнь, быть может, это её своего рода монашество.

Учительница на пальцах изображала шумерское колесо? Или клубок Ариадны?

Он кивал бородой, весело светились глаза, словно он нашёл выход из лабиринта серебряной паутины размотавшегося клубка.

Мёд, который он принёс, был смешан с пергой, маточным молочком и ещё с чем-то необыкновенным. Запах от мёда расходился над горячим чаем, как миро из золотой ладанки.

Он зачем-то приставлял открытую ладанку к её глазу.

* * *

В понедельник ученик не пришёл.

Араб-смотритель гостиницы спросил негромко, когда Альпида шла к Амели:

— Систа, ОК?

— ОК. — Ответила она.

Альпида пожаловалась соседке Амели, ожидая, когда поднимется пенка арабского кофе.

— Он не пришёл. Мне всё кажется, что я здесь — это сон. А они все из картинной галереи.

— Будь проще, позвони своему большому Тезею, — улыбнулась Амели-киевлянка, диагностируя опытным глазом врача по сердечным заболеваниям нечто другое, во

всяком случае, не уроки русского. — Испроси его. Он живой, а не из «Портрета» Гоголя.

— Не могу.

— Почему?

— Он монах из Храма, — что-то смущало москвичку Альпиду.

— Он не всегда был монахом. А ты не всегда учительница! — дотронулась паломница-врач до шеи подруги. — Что это у тебя? Крестик серебряный. А цепочка почему золотая? Цепочка дороже крестика?

Над уроками врач шутила, наслаждаясь запахом арабского кофе:

— У них другие понятия. По-гречески любовь, вера и надежда...

— «Другие» что?

— Руководящее начало... — Амели улыбалась, словно гипнотизировала. — У них вера сильнее любви. И они синтезируют впечатления.

— Что? — не соглашалась учительница. — Вера не может быть сильнее любви!

— Почему?

— Вера и есть любовь!

— Греки — христиане с 335-го года. А мы? — примирительно улыбнулась. — Мы их ученики. А ты вообразила себя учительницей, а его — учеником. Ты ведь не Альпида, а простая русская Вера.

— А ты?

— Я Соня, София. Мудрость. При постриге меняют имя, но оно должно начинаться на ту же букву, что и мирское. А ты хочешь?

— Что?

— Может быть, он Пётр был? Сколько ему лет в реальной жизни, 40 или 50? Почему он стал монахом?

Он же такой огромный, мужик! Руки пахаря, лоб Сократа, с оливковым оттенком кожа. Он с Афона, грек. Ещё в V веке до рождения Христова греки туда перебрались из Халкидии. Вам, русским, ещё полторы тысячи лет потребовалось, чтобы креститься. Там сам Александр Македонский хотел высечь из горы Афон огромную статую — а в руке чтобы была чаша...

— Мне не верится, что это не сон, а жизнь.

— Картина оживёт, как только ты его перестанешь бояться. Монахи тоже люди.

Паломницы из Москвы и из Киева жили как сёстры, вместе ходили в Кафедральный собор, где служат греки. Амель — в украинском, расшитом яркими красками платке, Альпида — в белом, шёлковом. В греческом храме стулья с подлокотниками, можно расслабиться, если очень устали.

...После службы условились идти к русскоговорящему греку. У архимандрита Амель взяла сковороду, как хозяйственная украинка. Она с воюющей Родины. Здесь, в Иерусалиме, врач-кардиолог подрабатывала четыре часа в ресторане посудомойкой за сорок шекелей, объясняла, словно извиняясь: «Копеечку надо заработать». Двести пятьдесят шекелей в неделю за кровать и электрическую плитку, над которой то сверкало, то запотевало зеркало, когда они с Альпидой разогревали ужин, который им давали в трапезной греков.

— Как ваше сердце? — кардиолог слушает пульс архимандрита.

— А разве я схож с мёртвым? — доброта светится в его лице.

— Вы сделали кардиограмму? Обещали. Спасибо за сковороду: знаете, это как «дары волхвов» у О'Генри, — улыбнулась Амель (мог же знать писатель, рождённый в Северной Каролине, о Вифлеемских дарах волхвов с Востока).

* * *

В Иерусалиме время не идёт, а летит. Промелькнуло три дня. Ученик-монах опаздывал, Альпида позвонила.

— Я монах из Храма.

— Сегодня урок русского языка. Тема: глаголы. — И в её душе наступал такой покой, который она называла там, в русской школе, гармонией.

— Я живу в храме. Я иду. Два и двадцать минут ждать.

Он принёс веточку неопалимой купины, но не выучил спряжения неправильных глаголов.

— Сколько вам лет? — спросил он без всякого акцента.

Она не ответила, отвела глаза. Что за искушение?

— Почему вы приехали на Голгофу? — как-то сакрально спросил он.

Она не сразу приподняла лицо — сверкнули слезинки. Глаза её по-русски распахнуты, и ни одна складочка не прикрывала эти сверкающие, сдерживаемые в уголках глаз, слёзы.

— Есть рыба. Там.

— Рыба? — она вспомнила притчу евангельскую о ловле рыбы: «Трудились всю ночь и ничего не поймали».

— Там есть рыба. Я принесу. Я могу. Хочешь?

И она увидела притчу, словно наяву, и хотела сказать: «выйди от меня... потому что я человек грешный». Но ничего не сказала, а только с какой-то невыносимо грустной любовью посмотрела на него.

— Можно? — опять спросил монах, рассматривая русоволосого бледнолицего пришельца с северной стороны Земли, и словно сам, преодолевая внешнее пространство, прикоснулся к этой русской земле.

— Можно, — повторила за ним.

* * *

...Заканчивался пост, приближался праздник. И с утра до вечера десятки раз Марк-экскурсовод поднимался с паломниками на Голгофу.

— Справа от креста — Иоанн Богослов. — Марк подбирает слова, чтобы удивить приезжих. — В то время, чтобы показать красоту мужчин писали его с женским лицом.

Русские женщины-паломницы в белых платочках благоговейно слушают и смотрят, широко открывая глаза, чтобы, один раз увидев, запомнить навсегда.

— С другой стороны вы видите Деву Марию... Представьте то время — две тысячи лет назад... — Показывает гид паломницам в белых платочках.

Альпида слушает вместе с женщинами из России, а те в платочках белоснежных и говорят шёпотом, словно стесняются.

...Днём Альпида среди паломников, а вечером ждёт ученика-монаха на занятие. Он не пришёл. Она обижалась, хотя понимала, что обижаться на монаха нельзя, он не при-

надлежит ни ей, ни себе, ни даже тем урокам, которые она проводила. Он монах из Храма. Она думала о потерянном времени, и это её раздражало. Она даже на молитве думала об уроках. Это выводило из равновесия. Альпида роптала, но привязанность к нему не покидала её, и это странное чувство было не похоже на ту любовь, которую она знала раньше.

И видя её, араб-смотритель, играя чёрными глазами, спросил громко:

— Систа, ОК? О нот?

Она ничего не ответила, поправляя белый шёлковый платок.

Снизу ветер принёс дымок от шашлыков, жареной баранины.

...И опять вечером Альпида исповедала свою тоску Амель.

— Я не знаю, что делать? — учительница смотрела на врача, словно та может урочить её.

— Кто из нас учитель: ты или я? — улыбнулась интригующе Амель. — Он опускает глаза, когда я смотрю на него. А они такие чистые! — И, делая салат из фруктов, рассказывала со здоровым базаровским цинизмом, словно по программе ЕГЭ (Тургеневу бы и не приснилось такое обучение). — Один молодой монах не удержался и привёл в келью девушку. Другой монах увидел и доложил игумену. Игумен приходит: «Где девушка?» Старый монах, сидя на сундуке у молодого монаха: «Где, какая девушка? Мы сидим, разговариваем». Когда игумен ушёл, старый монах встал, открыл крышку, выпустил девушку. Монахи друг друга не выдают, у них другие понятия.

— Понятия меняются. Иногда кардинально.

— А у тебя, я вижу, картинки превратились в живое чувство жизни.

...Ночью прорезала окна молния, гром играл на небесном органе, быть может, Баха... Альпида фантазировала, и страх не одолел её. И подумала: а как же бедуины на горе Синай? Там Моисей пас стада?

Ветер воеет так же, как в Москве зимой.

Ученик не пришёл. Она звонила вчера. Он сказал: «Завтра». А сегодня уже «завтра», а он не пришёл. Дождь тропический — вторую ночь.

После литургии учительница спросила у архимандрита-питерца:

— Где мой ученик?

Молчание.

Но Альпида ждала своего нового ученика и готовила ему подарок.

* * *

Наступил праздник. Высокий монах пришёл в арабский хостел. Поднялся на последний этаж, где жила русская учительница.

Он вынул золотой крестик и попросил снять её серебряный крестик с цепочки. Но золотой цепочки не было. А была простая тонкая нить-тесма, похожая на шнурок.

— Я продала золотую цепочку и купила самый лучший ладан. — Она протянула ему ладан, и попросила дать старинную ладанку.

Величие души покорило его. Он встал, почти касаясь плечами стеклянных стен. И приложив руку к

бороде, улыбался, как не улыбался ни один счастливый.

Как объяснить ей, что он продал золотую ладанку и купил золотой крестик для её золотой цепочки?

Она поцеловала его руку.

Он изумился. У греков даже при миропомазании руку не целуют.

Всю ночь в огромное окно заглядывали звёзды: путеводная, та, что освещала путь и Доротею, которая мечтала встретить мужчину умнее и красивее себя. Звёзды, которые возвестили о рождении Мессии.

Утром араб-смотритель нанизывает фразы, будто мясо на шампур:

— Систа, ОК?

— Что? — спросила его по-русски женщина. — Что тебе надо? Я заплатила за номер до конца визы.

И быстро понеслась в Храм.

На Голгофе у места деления риз к высокому монаху подошёл юркий завистливый маленький казначей, которого одаривали дорогими дарами богатые паломники.

— Где моя ладанка? — смотрел на монаха казначей грозно, как Минотавр. — Где ладанка?

Он молчал.

...Альпида и Амель встречались, пили кофе и каждый день ходили в Храм, поднимались на Голгофу, прикладывались к Кресту, наклонялись и, просунув руку, дотрагивались до шершавой поверхности камня — горы Голгофы, на которой стоял Крест.

На Голгофе служил другой монах. Высокий монах словно исчез.

И Альпида возвращалась в хостел грустная.

Врач шутила:

— Ты же искала того, кто умнее, красивее и знатнее тебя.

— Я так не говорила!

— Тебе надо съездить в монастырь Святой Екатерины на Синае и продлить визу на три месяца.

И опять араб-смотритель встал перед женщинами на крутых каменных древних ступенях хостела:

— Систез, ОК?

Альпида отвернулась.

— Гуд, — засмеялась врач, с любопытством разглядывая чёрные глаза араба. (Она изучала немецкий и никогда с ним больше одного слова не говорила). — Гуд-гуд, хорошо.

Женщины-паломницы уходили

утром, а возвращались вечером, спать. Как спрашивал арабский мальчик: «Где вы спите?», а не «Где вы живёте?». Они живут под солнцем и под звёздами, здесь вечное лето. И не так важно, что в номере нет стола, а ширина его — в ширину плеч.

Греков было много, они похожи друг на друга, но никто не был похож на высокого монаха из Храма, который подарил веточку неопалимой купины, крестик и ещё что-то, что невозможно передать словами, сколько бы вы языков не изучали... Быть может, в этом и есть тайна живой веры — вечная тайна даров волхвов... Монахи знают больше того, что знают?

Альпида искала его по монастырям Иерусалима, Палестины, Иордании и даже на Синае, в монастыре Святой Екатерины и в Греции.